

Е. Ю. Алёшина

*П*УБЛИЧНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Монография

ПРАВИТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

УДК 81'42=20

ББК 81.055

А 496

Рецензенты:

Фрейдина Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор кафедры лексики и фонетики английского языка Московского государственного педагогического университета.

Рева Екатерина Константиновна — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой «Журналистика» Пензенского государственного университета.

Алёшина, Екатерина Юрьевна.

А 496 Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. — М.: Прометей, 2015. — 220 с.

Монография посвящена исследованию особенностей американского публичного политического дискурса конфликтной ситуации. На материале политической риторики XX века рассмотрена природа политического конфликта в плане коммуникации, определены факторы регуляции общения в конфликтной ситуации, дискурсивные особенности публичных политических выступлений разных жанров.

Монография адресована специалистам-языковедам, аспирантам, широкому кругу читателей, интересующихся проблемами политического дискурса.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Политический дискурс: аспекты и проблемы исследования	6
1.1. Понятие политики.	6
1.2. Политическая лингвистика. Этапы становления политической лингвистики и направления исследований политической коммуникации.	9
1.3. Дискурс. Дискурс и текст. Диктема. Речевая ситуация	14
1.4. Политический дискурс	25
Глава 2. Место политического дискурса в жанрово-стилевой дифференциации языка	29
2.1. Понятия жанра и стиля.	29
2.2. Жанры политического дискурса	37
Глава 3. Публичная политическая речь конфликтной ситуации	46
3.1. Понятие политического конфликта.	46
3.2. Регуляция речевого общения в ситуации политического конфликта.	48
3.3. Публичная политическая речь: структура, аргументация, риторические категории	58
3.4. Этапы становления публичной политической речи	72
Глава 4. Дискурсивные особенности публичного политического выступления конфликтной ситуации	79
4.1. Информационный и информационно-убеждающий публичный политический дискурс конфликтной ситуации	79
4.2. Убеждающий публичный политический дискурс конфликтной ситуации	96
4.3. Призывный публичный политический дискурс конфликтной ситуации	106
4.4. Публичный политический дискурс оправдания и покаяния в конфликтной ситуации	115
Заключение	123
Литература	127
Приложение	137

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Понятие политики

Изучение феномена политики имеет давние традиции и восходит к античности. Древнегреческие философы Сократ, Платон и Аристотель заложили основы науки о политике. В их понимании политика соотносится с управлением государством и строится на основе этических принципов справедливости, блага и служения. В труде «Политика» Аристотель рассматривает теорию полиса, типы государств, идеальное государство, основанное на справедливости и общем благе. Согласно античным философам, политика — практическая наука об искусстве управления, отождествляемая с общественной жизнью в целом и человеком как политическим существом в частности. Наука о политике прошла в истории человечества долгий путь эволюционного развития, от религиозно-теологического характера обоснования политики в Средневековье, гуманистического понимания добродетели как основания политики в эпоху Возрождения, до понимания политики как самостоятельной области общественной жизни в Новейшее время.

Становление политики как отдельной сферы связано с изменением форм политических отношений и управления, с развитием институциональных систем в обществе. В современной политологической и философской литературе можно выделить ряд методологически различных подходов к определению **политики**¹. Представим их обобщенно в виде нескольких основных подходов.

1) Политика — деятельность институтов государства. Институциональный подход предполагает изучение управленческих структур и распределения власти между ними, изучение законо-

---

¹ Новая философская энциклопедия. В 4 тт. — М.: Мысль / Под ред. В. С. Стёпина, 2010.

дательных процессов. В таком понимании политика неразрывно связана с правом.

2) Политика — это сфера деятельности человека в контексте отношений между классами, нациями и другими социальными группами, направленная на завоевание, удержание и использование власти. Данная концепция имеет глубокие корни в истории политической мысли (Н. Макиавелли и другие). Отношение политики к власти и классам, которые выступают в качестве субъектов политической деятельности, носителями классовых интересов и борцами за них, характерно для марксистского понимания политики. М. Вебер также полагал, что участие в политике «означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»¹. Такое понимание политики сосредоточено на интенции захвата и удержания власти и не предполагает рассмотрение личностных и общественных ценностей как составляющих мотивации для политических действий.

С точки зрения либерализма, политика — ограниченное использование власти. Неограниченная власть предполагает насилие. Ограничения же, в рамках которых действуют политические деятели, формы их стратегического и тактического маневрирования и составляют политику. Соответственно, приоритетная задача исследователя политики связана с изучением природы и источников этих ограничений, а также техники по использованию социальной власти в рамках этих ограничений (Г. Алмонд).

3) Политика — согласование интересов, сфера сотрудничества, переговоров (Д. Хелд). Плюралистическое понимание политики предполагает изучение процесса взаимоприспособления власти и общества, процесса торга и переговоров, нахождения согласия и компромиссов без применения силы. В рамках данного подхода цель политики усматривается в совмещении субъективно-определенных потребностей и интересов индивида с требованиями общества как целого в условиях максимально широкой свободы.

4) Политика — саморегулирующаяся система, существующая в более широкой социальной среде и выполняющая ряд функций

---

¹ М. Вебер. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 646.

(по Г. Алмонду, функции включают формулирование интересов, их согласование и объединение, формулирование правил, применение правил, судебные решения, политическое рекрутирование, политическую социализацию, политическую коммуникацию). Задачей политической науки становится выявление политических функций и их изучение в разных культурных и социальных контекстах.

Определение политики, данное лингвистом П. Чилтоном, обобщает содержание понятия в двух аспектах. С одной стороны, политика — борьба за власть между теми, кто пытается утвердить и удержать ее, и теми, кто этому сопротивляется. С другой стороны, политика представляет собой деятельность институтов и общества для решения столкновения интересов по вопросам денег, влияния, свободы и т. д. На данные аспекты определения политики может быть наложена еще одна дихотомия. На микроуровне политика предполагает конфликты интересов, борьбу за влияние и усилия к сотрудничеству между индивидами, родами и разными социальными группами. На макроуровне политика включает разнообразные стратегии, помогающие добиться цели: убеждение, разумные доводы, иррациональные стратегии, угрозы, манипуляцию. По мнению П. Чилтона, при изучении феномена политики не всегда принимается во внимание тот факт, что поведение на микроуровне определяется лингвистическими действиями — дискурсом, равно как и деятельность институтов на макроуровне проявляется в определенных типах дискурса (парламентских дебатах, радиоинтервью)¹. При этом коммуникация играет в политике центральную роль. Политическое действие рассматривается рядом исследователей как языковое действие (Дикманн 1975², Шейгал 2000³). «Все элементы поля политики, так или иначе, опосредованы дискурсом, отражаются в дискурсе, реализуются через дискурс: они либо составляют собственно предмет общения (его референциальный аспект), либо выступают в качестве элемен-

---

¹ Chilton P. *Analysing political discourse: theory and practice*. — London: Routledge, 2004. — 241 p. — P. 18.

² Dieckmann W. *Politische Sprache — Politische Kommunikation*. — Heidelberg, 1981. — 185 s.

³ Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса: дисс. д-ра филол. наук*. — Волгоград, 2000.

тов прагматического контекста, в том числе и прагматических пресуппозиций»¹.

Наше понимание политики, включая институциональный и плюралистический аспекты, определяется интенцией борьбы за власть как центральным мотивом политической деятельности. Мы определяем политику как систему отношений субъектов, действующих в рамках институтов государства с целью извлечения выгоды из взаимных контактов и перераспределения властных ресурсов. При этом политика как общественный феномен, реализуемый в коммуникации, определяется и имеет выражение в коммуникативных действиях. Ю. Хабермас определяет коммуникативное действие как интеракцию, в которой участники согласуют и координируют планы своих действий, при этом достигнутое согласие измеряется интересубъективным признанием притязаний на значимость². Притязания на истинность и значимость возникают сообразно тому, ссылаются ли участники коммуникации на объективное положение дел, на социальные нормы, или на собственное чувство, например, справедливости. Ю. Хабермас отличает коммуникативные рационально мотивированные действия от стратегических, в которых «один участник интеракции оказывает эмпирическое влияние на другого» (угрожая другому санкциями или же обещая вознаграждение)³.

1.2. Политическая лингвистика.

Этапы становления политической лингвистики и направления исследований политической коммуникации

В эпоху современной глобализации кардинально усилилось влияние политики на становление личности. Сегодня политический текст доступен каждому индивидууму благодаря усовершен-

---

¹ Там же. — С. 36.

² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб: Наука, 2001. — С. 91.

³ Марков Б. В. Мораль и разум / Ю. Хабермас. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб: Наука, 2001.

ствованным компьютерным технологиям и всеохватывающим средствам массовой информации. Невероятно возросшая роль политической коммуникации в процессе формирования общественного мнения в условиях информационных конфликтов, обусловила взлет исследовательского интереса к политическому тексту-дискурсу, воплотившийся в быстрое создание целого лингвистического направления («политическая лингвистика») в рамках бурно развивающейся неориторики.

Э. В. Будаев и А. П. Чудинов, отмечая, что истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике Древней Греции и Рима, рассматривают основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Исследования политической коммуникации в рамках традиционной риторики и стилистики.

2. Возникновение и становление политической лингвистики (1920-е — 1950-е гг.). Точкой отсчета для становления политической лингвистики стала Первая мировая война. Военная пропаганда показала воюющим странам необходимость знать механизмы манипуляции общественным мнением. К числу первых трудов по политической коммуникации можно отнести работы Г. Лассвелла (1927), У. Липпманна (1920), П. Лазарсфельда (1940), К. Ховланда (1937), В. Клемпера (1968).

3. Политическая лингвистика 1960–1980-х гг. С середины 1970-х гг. за рубежом активно разрабатываются проблемы политической коммуникации. Появляются работы Р. Бахема «Введение в анализ политических текстов» (1979), В. Дикманна «Язык в политике. Введение в прагматику и семантику политического языка» (1975), М. Эдельманна «Политический язык» (1977), М. Гайса «Язык политики» (1987), Д. Ф. Хана «Политическая коммуникация: Риторика, правительство и граждане» (1988), М. Шапиро «Язык и политическое понимание» (1981) и другие.

4. Современный этап в развитии политической лингвистики. Проблемам языка в государстве и вопросам языковой политики посвящены работы Н. Хомского (1988), А. Безансона (1998), Л. Хана (1998), Л. Гренобль (2003), Н. Фэрклафа (2003), П. Чилтона (2004) и других. В них также рассматриваются вопросы языка и воздействия на массовое сознание, проблемы языковой манипуляции в политической риторике.

В отечественных исследованиях 1990-х гг. вопросы взаимодействия языка и политики рассматривались В. Г. Костомаровым (1994), И. А. Купиной (1995), Т. М. Николаевой (1998). Интерес к политической коммуникации в последующие годы обусловил появление фундаментальных исследований Е. И. Шейгал (2000), И. В. Вольфсон (2003), А. П. Чудинова (2003, 2006) и других.

Период активного становления исследований политического дискурса приходится на вторую половину XX в., время технологической, научной и информационной революций. Лингвистика принимает понимание социальной природы языка, высказанное Ф. де Соссюром. Постмодернистские практики активно входят в гуманитарные исследования. В конце XX — начале XXI вв. становление исследований политического дискурса происходит на фоне третьей лингвистической революции, начавшейся в 1970-х гг.¹ и предстающей в виде динамико-парадигматической системы построения текста. На современном этапе в центре внимания все чаще оказываются исследования, связанные с теориями построения политического дискурса и изучением речевого поведения политика. На основе критериев, включающих методологию, источники исследований, их темпоральную и динамическую характеристики, Э. В. Будаев и А. П. Чудинов выделили основные направления в зарубежных исследованиях политической коммуникации²:

- Риторическое направление (Р. Айви, Р. Д. Андерсон, Р. Карпентер, В. Риккерт, М. Осборн, С. Томпсон и другие) использует традиционные методики анализа политической коммуникации, обращаясь к архетипам массового сознания.

- Когнитивное направление (Дж. Лакофф, М. Джонсон, П. Друлак, У. Квастхофф, Р. Фаулер, А. Баранов, Ю. Караулов, Э. Лассан, П. Чилтон и другие) опирается на когнитивный подход, в соответствии с которым речевая деятельность воспринимается как отражение существующей в сознании человека картины мира. Когнитивный подход позволяет от описания единиц и структур

---

¹ Блох М.Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение, 2013. — № 1. — С. 7.

² Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 352 с.

дискурса перейти к моделированию структур сознания участников политической коммуникации.

Е. И. Шейгал отмечает, что в рамках когнитивного подхода исследуется также взаимосвязь языка и идеологии. «Политическое общение всегда идеологизировано, поскольку коммуниканты выступают в нем не как личности, представляющие самих себя, а как представители институтов и политических групп. Под идеологией понимается система принципов, лежащая в основе групповых знаний и мнений, основанная на групповых ценностях. Обусловленные идеологией ментальные схемы субъектов политического общения определяют их вербальное поведение, в частности, стратегии и риторические приемы, импликации и пресуппозиции, речевые ходы и тематическую структуру дискурса»¹.

- Дискурсивное направление основано на дискурсивном подходе, который предполагает особое внимание к изучению условий создания и функционирования текста, его соотношению с социально-политической ситуацией в государстве, с национальными традициями.

— Критический дискурс-анализ (Т. ван Дейк, Н. Фэрклаф, З. Эгер, У. Маас, Ю. Линк, Р. Водак, П. Чилтон и другие) рассматривает язык как форму социальной практики и направлен на изучение взаимодействия языка и социальных феноменов, язык рассматривается как форма социального контроля над обществом и средство воздействия на массовое сознание.

— Дескриптивный дискурс-анализ (Р. Бахем, Р. Андерсон, П. Друлак, Г. Лассвелл, Х. де Ландтсхеер, А. Баранов, Т. Николаева и другие) предполагает объективную оценку коммуникативного поведения политика, языковых средств, используемых в его выступлениях для оказания воздействия на аудиторию, ценностные доминанты и прагматические установки. Истоки дескриптивного подхода восходят к классической методике риторического анализа публичных выступлений.

Во многих современных исследованиях можно обнаружить сочетание нескольких подходов (к примеру, когнитивный подход дополняется методами из сфер культурологии, психологии, социологии).

---

¹ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000. — С. 18.

А. П. Чудинов рассматривает российскую политическую лингвистику как относительно новую научную дисциплину, сформировавшуюся в последнее десятилетие XX в. на стыке лингвистики с социологией и политологией и занимающуюся изучением специфики политической коммуникации¹.

На основе трех базовых подходов (дескриптивного, критического и когнитивного) к исследованию политической коммуникации Д. А. Максимов выделяет ряд теорий политического дискурса отечественной школы².

— Теории манипулятивности (А. Романова, Ю. Черепанова), связанные с изучением языкового поведения, языковых средств, риторических приемов и стратегий, используемых политиками в целях убеждения.

— Теории тематического анализа (Ю. Караулов, А. Баранов, А. Чудинов), в которых ключевую роль играет смысловая направленность дискуссии, на языковом уровне отраженная в наборе связанных по семантике слов и словосочетаний, в тезисах аргументированных актов.

— Теории рефлексии (Т. Милевская, Н. Басенко), утверждающие, что представители разных дискурсных формаций трактуют одни и те же концепты по-разному, в соответствии со своей идеологией. Дискурс участвует в формировании убеждений, установок и внутренней оценки участников взаимодействия.

— Теории аксиологического анализа (Г. Слышкин, В. Карасик), относящиеся к аксиологическому аспекту политической коммуникации.

— Теории интен-анализа (Т. Ушакова, Н. Павлова), акцентирующие коннотативные компоненты структуры значения слова.

— Идеологический анализ политического дискурса (В. Базылев), имеющий дело, прежде всего с институциональным дискурсом, который обеспечивает трансляцию актуальных и «фиктивных» ценностей.

---

¹ Чудинов А. Основные направления в современной российской политической лингвистике: учебное пособие. — Екатеринбург, 2009. — 352 с.

² Максимов Д.А. Отечественные теории политического дискурса // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. — Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. — С. 48–51.

— Теории конфликтного политического дискурса, теории агрессивности и агональности (М. Кочкин, Л. Майданова, В. Амиров, Т. Федотовских), рассматривающие язык конфликта — скандала и вооруженной борьбы.

Проанализировав теории политического дискурса в ряде гуманитарных дисциплин, Ю. И. Левшенко¹ предлагает рассматривать их с точки зрения следующих направлений:

— Теории, созданные в рамках критической парадигмы, в настоящее время развивающиеся наиболее динамично в связи с возросшим интересом к языку как средству воздействия на массовое сознание.

— Постмодернистские теории, идущие по пути абсолютизации дискурса как основания для восприятия внешнего мира.

— Конструкционистские теории, возникшие на основании исследований феномена идеологии.

— Социальные теории, утверждающие понимание дискурса как диалога, как идеального состояния, благодаря которому стороны приходят к согласию.

— Дескриптивный подход, нацеленный на познание способа фиксации значений в дискурсивной практике.

Объединяющим для перечисленных подходов является понимание дискурса как средства реализации явлений политического мира.

1.3. Дискурс. Дискурс и текст. Диктема. Речевая ситуация

Для описания особенностей политического дискурса необходимым условием является определение самого дискурса как комплексного явления.

Понятие дискурса, в XX в. ставшее одним из ключевых понятий науки, остается предметом дискуссий, касающихся как самой

---

¹ Левшенко Ю.И. Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2012. — № 7 (21). В 3-х ч. — Ч. II. — С. 100–108.

его природы, так и формального определения. «Дискурсивный поворот» обусловлен ростом внимания к человеческому фактору, субъективности в лингвистике¹. Дискурс-анализ в определенной степени послужил компромиссом в ситуации противостояния формальной и функциональной лингвистики, успешно интегрируя достижения предшествующей формально-структурной лингвистики в функциональную парадигму².

Дискурс-анализ активно развивается в комплексных дисциплинах (социолингвистике, семиотике, философии и других), парадигмы которых обусловили появление различных теорий дискурса. В своем предисловии к первому тому «Справочника по дискурс-анализу» в 1985 г. Т. ван Дейк определил дискурс-анализ как новую кросс-дисциплину, развитие которой связано с постоянным расширением области исследования, что приводит к образованию разнообразных отраслевых направлений дискурс-анализа в гуманитарных и социальных науках.

Основываясь на зарубежных и отечественных исследованиях, О. Ф. Русакова предложила три классификационных подхода изучения теорий дискурса³.

Первый подход позволяет выделить теории дискурса в соответствии с междисциплинарной областью, оказавшей влияние на формирование их теоретической и методологической базы. По мнению О. Ф. Русаковой, зарождению и развитию дискурс-анализа способствовала методология лингвистики, семиотики, коммуникативистики, социологии, психологии, культурологии, истории. Теории дискурса, развившиеся из лингвистики, включают теории Дж. Джи, Т. ван Дейка, У. Лабова, Э. Гофмана, исследования политической лингвистики Дж. Сейдел, М. В. Гавриловой, Н. М. Мухарямова и Л. М. Мухарямовой, группу теорий дискурса семиотического направления Р. Барта, У. Эко, Ж. Бодрийера, П. Серию, коммуникативно-семиотическое течение, представлен-

---

¹ Макаров М. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — С. 83.

² Там же.

³ Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза, 2006. — № 3. — С. 191.

ное в трудах О. Ф. Русаковой и Е. И. Шейгал, теории дискурсивного анализа с коммуникативно-культурологическим уклоном С. Холла, В. Красных, В. Карасика^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7}.

— Второй подход к классификации теорий дискурса связан со сложившимися в сфере дискурс-анализа исследовательскими школами и направлениями. Теории дискурс-анализа группируются по следующим течениям: 1) пост-модернистский дискурс-анализ; 2) критический дискурс-анализ; 3) дискурсивная психология; 4) комбинированный дискурс-анализ; 5) Британская школа культурных исследований Cultural Studies; 6) визуальные исследования Visual Studies; 7) политическая лингвистика и другие.

— Третий подход, по мнению О. Ф. Русаковой, представляет собой классификацию теорий дискурса на основе того, какие феномены социальной реальности оказались в фокусе их конкретного дискурс-анализа. Наиболее часто называются следующие дискурс-объекты: а) дискурсы повседневного общения; б) институциональные дискурсы; в) публичный дискурс; г) политические дискурсы; д) медиа-дискурсы; е) арт-дискурсы; ж) дискурс деловых коммуникаций; з) маркетинговые дискурсы; и) академические дискурсы и т. д. на основании последнего подхода отдельные группы можно выделить теории политического дискурса М. Пеше,

---

¹ Seidel G. Political Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4: Discourse Analysis in Society. — London, 1985. — P. 43–60.

² Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // ПОЛИС: Политические исследования, 2004. — № 3. — С. 127–139.

³ Мухарьямов Н.М., Мухарьямова Л. М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политическая наука, 2002. — № 3. — С. 47–49.

⁴ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с.

⁵ Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.

⁶ Карасик В.В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М.: Гнозис, 2004. — 389 с.

⁷ Hall S. Critical dialogues in cultural studies / Ed. D. Morley, K.-H. Chen. — London: Routledge, 1996. — 530 p.

П. Чилтона, К. Шаффнер, Я. Торфинга, М. Ильина, Е. Шейгал, теории медиа-дискурса Т. ван Дейка, Н. Фэрклафа, Л. Чоулиаракис и других, теории философского дискурса постструктуралистов Ю. Хабермаса, И. Ильина и других.

В рамках сложившихся направлений дискурсологии предлагаются различные интерпретации дискурса и основания дискурс-анализа на основе особенностей парадигм различных гуманитарных наук. В различных концепциях дискурс по-разному соотносится с понятиями текста и речи.

На основе отечественных и зарубежных теорий выделим основные подходы в интерпретации дискурса.

Часть концепций относят дискурс преимущественно к области **лингвистического**.

Такое понимание дискурса нашло отражение в одном из подходов, сформулированных и обобщенных Д. Шиффрин¹. В этом понимании **дискурс представляет собой совокупность предложений** (более одного). Данная позиция присуща формально или структурно ориентированной лингвистике, которая определяет дискурс как «язык выше уровня предложения или словосочетания»², (Stubbs³; Steiner, Veltman⁴; Stenstrom⁵ и другие) (цит. — по М. Макарову⁶). В отечественных теориях дискурса данный подход отражен в концепции В. А. Звегинцева⁷, понимающего дискурс как «два или несколько предложений, находящихся в

---

¹ Shiffrin D. Approaches to discourse. — Oxford; Cambridge, MA, 1994. — P. 20–43.

² Там же. — P. 23.

³ Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. — Oxford, 1983. — 279 p.

⁴ Steiner E. H., Veltman R. (eds.) Pragmatics, Discourse and Text: Some Sytematically-Inspired Approaches. — Norwood, 1988. — 185 p.

⁵ Stenström A.-B. An Introduction to Spoken Interaction. — London, 1994. — 252 p.

⁶ Макаров М. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — С. 86.

⁷ Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М., 1976. — С. 170.

смысловой связи». В трактовке В. З. Демьянкова дискурс — «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса, — это точка отсчета «этнографии речи»¹.

Рассматриваемый подход к толкованию дискурса, не разграничивая между письменной и устной последовательностью предложений, все же соотносим с пониманием текста как совокупности предложений / высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определённую прагматическую установку (И. Р. Гальперин).

Большинство современных концепций дискурса относят его к области **лингвосоциального**.

Второй подход, обобщенный Д. Шиффрин², трактует **дискурс как всякое «употребление языка»** (language in use) (Fasold³, Brown, Yule⁴) (цит. по М. Макарову⁵) и предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функции языка в широком социокультурном контексте. В данном случае понятие дискурса приравнено к речи.

Третий подход, выделенный Д. Шиффрин, также приравнивает дискурс к речи, понимая его **как высказывания** (discourse

---

¹ Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. В 4 вып. Вып. 2. Методы анализа текста. — М.: Всесоюзный центр переводов, 1982. — 280 с.

² Shiffrin D. Approaches to discourse. — Oxford; Cambridge, MA, 1994. — P. 31.

³ Fasold R. Sociolinguistics of Language. — London, 1990. — 342 p.

⁴ Brown G., Yule G. Discourse Analysis. — Cambridge, 1983. — 288 p.

⁵ Макаров М. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — С. 85.

as utterances) (Harris¹, Schiffrin²; ср.: Clark³, Renkema⁴, Drew⁵) (цит. по М. Макарову⁶). «Это определение подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. В этом случае вызывают затруднение различия подходов к определению высказывания [ср.: Арутюнова 1976; Бенвенист 1974; Леонтьев 1979; Бахтин 1979; Степанов 1981; Колшанский 1984; Падучева 1985; Слюсарева 1981; Сосаре 1982; Адмони 1994; Чупина 1987; Сергеева 1993; Лурия 1975; энонсема — Борботько 1981; Blakemore 1992; Brown, Yule 1983; Levinson 1983; Sperber, Wilson 1995 и другие] (М. Макаров⁷).

Такое понимание дискурса может быть соотнесено с одним из первых определений дискурса, данным М. Фуко, согласно которому дискурс представляет собой совокупность высказываний, зависящих от одной и той же дискурсивной формации, согласно которой размещаются высказывания. В то же время М. Фуко называет дискурс фрагментом истории, её единством и прерывностью.

Лингвосоциальную природу дискурса подчеркивает В. И. Карасик. В его трактовке дискурс — «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуни-

---

¹ Harris Z. S. Discourse analysis // Language. — 1952. — Vol. 28. — P. 1–30; 474–494.

² Shiffirin D. Approaches to discourse. — Oxford; Cambridge, MA, 1994. — P. 39–41.

³ Clark H. H. Arenas of Language Use. — Chicago, 1992. — 440 с.

⁴ Renkema J. Discourse Studies: An Introductory Textbook. — Amsterdam, 1993. — 243 с.

⁵ Drew P. Conversation analysis // Rethinking Methods in Psychology. — London, 1995. — P. 64–79.

⁶ Макаров М. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — С. 86.

⁷ Там же. — С. 85–86.

кативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения»^{1, 2}.

В определении Н. Д. Арутюновой дискурс — «речь, погруженная в жизнь..., связанный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)»³.

Лингвосоциальное понимание дискурса раскрывается с помощью понятия социального контекста, речевой ситуации. Т. Ван Дейк понимает дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее социальный контекст⁴.

В современной лингвистике речевая ситуация определяется как ситуация общения, представляющая контекст высказывания.

«Речевая ситуация — ситуация, составляющая контекст высказывания, порожденного в речевом акте в определенном месте в определенное время»⁵. «Речевая ситуация — это ситуация непосредственного общения коммуникантов, ограничиваемая прагматическими координатами «я-ты-здесь-сейчас», которые организуют ядро поля языковых единиц речевого этикета»⁶.

Ситуация, в нашем понимании, представляет определенный временной срез, является составной частью события. Речевая

---

¹ Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград, 2000. — С. 5–20.

² Карасик В.И. О типах дискурса. URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения 01.08.2015)

³ Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 136–137.

⁴ Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989. — 312 с. — С. 46.

⁵ Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. — 721 с. — С. 481.

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М.: Большая российская энциклопедия, 2002. — 709 с. — С. 481.

ситуация может быть определена как временной срез, в котором происходит речевое общение. Компоненты речевой ситуации традиционно описываются на основе классических моделей коммуникативного акта (К. Бюлер, Р. Якобсон). К. Бюлер выделяет три ведущих компонента акта коммуникации: отправитель, получатель, предметы и ситуации¹. Согласно модели Р. Якобсона, основные компоненты любого речевого события, любого акта речевого общения: адресант (addresser), посылающий сообщение адресату (addressee); контекст (context), который должен восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию; код (code), полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (для кодирующего и декодирующего); и наконец, контакт (contact) — физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать коммуникацию².

К. А. Долинин уточнил набор параметров речевой (коммуникативной) ситуации: адресант (отправитель, субъект речи); адресат (получатель); референтная ситуация, представляющая собой фрагмент объективной действительности, с которым соотносено референциальное содержание высказывания; деятельностная ситуация, в рамках которой происходит речевое взаимодействие; предметно-ситуативный фон, то есть место и время общения, всё то, что происходит вокруг, присутствующие при общении люди, социальная, политическая и историко-культурная ситуация; канал связи, который может быть акустическим или визуальным, предполагающим наличие или отсутствие непосредственного контакта между коммуникантами^{3,4}.

Дискуссия о понимании дискурса традиционно рассматривает вопрос о соотношении понятий текста и дискурса, а также о том, какое понятие возвести в общее, а какое в частное.

---

¹ Бюлер К. Теория языка. — М.: Прогресс, 1993. — 501 с. — С. 34.

² Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975. — С. 193–230.

³ Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. — № 6. — С. 37–47.

⁴ Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык: учебное пособие. Изд. 4-е. — М.: КомКнига, 2010. — 304 с.

По утверждению М. Л. Макарова¹, в современной лингвистике распространено и уже стало нормой понимание дискурса как родовой категории по отношению к понятию текста. При этом дискурс соотносим с понятием речи, а текст — с понятием языка.

По мнению Т. ван Дейка, разница между текстом и дискурсом состоит в том, что «дискурс — актуально произнесенный текст, а текст — это абстрактная грамматическая структура произнесенного (язык / речь, *langue / parole*, компетентность / произносимость). Дискурс — это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как текст — это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности»² (цит. по Ключеву³).

Р. Водак и Р. де Силлиа⁴ поддерживают точку зрения Дж. Лемке⁵, утверждающего, что дискурсы как социальные действия управляются социальными привычками в определенной ситуации и, в свою очередь, порождают специфические для каждой ситуации тексты.

В. З. Демьянков подчеркивает различия между дискурсом и текстом, утверждая, что слово дискурс не является орнаментальным вариантом термина текст. «Текст можно определить как вербальную составляющую коммуникации, то есть не включающую паралингвистические и невербальные части сообщения. Текст как таковой и его языковые элементы обладают смыслом только в той мере, в какой интерпретируются читателями/слушателями, опирающимися на знание мира. Этот интерпретированный текст уходит далеко за пределы собственно сказанного в тексте, то есть, включа-

---

¹ Макаров М. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — С. 90.

² Diik T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. — London, 1998. — 384 p.

³ Ключев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия: учебное пособие. — М.: РИПОЛ классик, 2002. — 315 с. — С. 21.

⁴ Wodak R., Cillia de R. Politics and Language: Overview // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. K. Brown. — Oxford, Elsevier, 2005. — P. 707–719.

⁵ Lemke J. Textual politics: discourse and social dynamics. London: Taylor and Francis, 1995.

ет логические выводы, производимые читателем и не всегда замеченные самим автором. А целостная интерпретация текста возможна благодаря связности, смысловой целостности, благодаря которой тексты «погружены» в деятельность, обычную для конкретной культуры, определяя эту деятельность, и сами получая оформление благодаря этой деятельности»¹. Таким образом, «текст — не простой материальный объект, а интерпретируемый вербальный объект, за которым можно увидеть протекание дискурса».

Стремясь сохранить важное концептуальное различие языка и речи, мы следуем определениям дискурса и текста, данным М. Я. Блохом². М. Я. Блох низводит именно дискурс в частное, но важнейшее лингвистическое понятие текста, взятого в целом и помещенного в речевую ситуацию с ее говорящим, слушающим и обстоятельствами общения. Текст же возводится в общее понятие речи, выделенное единой темой. Что касается речи как таковой, то она представляет собой словесное выражение мыслей связное или бессвязное, завершенное или незавершенное, тематизированное или нетематизированное. Дискурс — это тематически определенный текст, задуманный и предполагаемый как целый и завершенный, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается. Дискурс есть текст *in statu nascendi*, в момент создания³.

Мы рассматриваем текст как тематически выделенную речь (письменную или устную, законченную или незаконченную, жанрово маркированную или немаркированную). Следует подчеркнуть, что текст, построенный и строящийся как актуальный элемент культуры, не может являться «единицей языка» по определению, поскольку язык в лице своих единиц есть инструмент построения текста. Единицей языка, взятой в структурном выра-

---

¹ Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. — М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал «Вопросы филологии», 2007. — С. 86–95.

² Блох М.Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2013. — № 1. — С. 5–11.

³ Там же.

жении и служащей элементарной единицей текста-дискурса, является диктема. Понятие диктемы было выдвинуто М. Я. Блохом в связи с научной дискуссией о коммуникативных единицах языка. «Диктема — элементарная единица тематизации текста, формируемая предложениями. Именно через это подразделение текстовых единиц и в рамках аспекта тематизации реализуются близкие и далекие связи частей текста, отражающие его «когезию», — перспективные, ретроспективные, двунаправленные. Именно через это подразделение знаковых сегментов осуществляется действие текстовой пресуппозиции...»¹. В отличие от сверхфразового единства, которое не имеет уровнеструктурного определения, диктема является естественной составной частью реверсивно-определенной уровневой структуры языка, отвечая принципу построения из одной или нескольких единиц нижележащего уровня, то есть из одного или нескольких предложений. Различие между диктемой и абзацем состоит в том, что диктема является универсальной единицей текста, как устного, так и письменного, в любых его стилистических разновидностях, абзац же организует лишь письменный текст. Кроме того, абзац, будучи сопредельным с диктемой, может выйти за ее рамки и включить в свой состав несколько диктем, каждая из которых может состоять из одного или нескольких предложений². Диктема выражает четыре аспекта речи: номинацию, предикацию, тематизацию, стилизацию.

Диктема как единица тематизации текста обеспечивает формирование речевой последовательности. В процессе диктемного развертывания создается информационный аспект текста. Диктема служит элементарной тематической единицей строя текста на всех ступенях его формирования. В своем развитии текст проходит ряд ступеней или этапов, которые можно фигурально назвать «жизнями», поскольку на каждом этапе своего создания текст существует в живой динамике производства и развития³.

---

¹ Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания, 2000. — № 4. — С. 56–67.

² Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. — М.: Высшая школа, 2000. — 160 с.

³ Блох М.Я., Алёшина Е.Ю. Политический текст на семи этапах своей динамики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика», 2015. — № 2. — С. 6–11.